

Five Poems from Nit'

by Olga Andreeva

Original Translation by Igor Ryzhenkov¹

#1

Throw the red calico
Over the aspen's bare shoulders in winter.
Buy the scraggly aspen
A penny whistle and a fancy bun.

Don't be so squeamish about the new moon,
The moon also needs sympathy.
Ponder on life together with her
At tea from a little glass.

You, Cloud, take your place in line!
Women, sparrows,
Don't press so hard!
There's enough love for everyone!

¹ Additional translation by Alla Grikurova and Eric Heyne, University of Alaska, Fairbanks.

В ночь с пятницы на субботу,
Презрев дневные заботы
И разные поленис-воленс,
Юноша пишет оду
Под названием «Вольность».

Но ода — всего лишь ода.
Стихотворение в книжке
Для перюкланки-свободы.
Очень послушной малышки.

В ночь с пятницы на субботу
В теплых пижамах из банки
Маленькие свободы
Отправляются баньки.

Ах, как сыро на улице.
Холодно и темно!
Мамочка очень волнуется.
Затворите окно.

Маленькие свободы,
Вам не разрешены
Под частый всхлип непогоды
Ирреальные сны.

Банка — в цвет небосвода.
Кажется, время не пятится.
Но все не настанет суббота.
Продолжается пятница.

At night, Friday to Saturday,
Disdainful of daily worries
And all these nolens-volens,²
A youth is writing an ode
Under the name "Liberty."

But an ode is just an ode,
A verse in a book
For the first-grade freedom
A very obedient baby.

At night, Friday to Saturday,
In warm pyjamas of flannelette
Little freedoms
Go nighty-night.

Oh, how damp it is outside,
Cold and dark!
Mommy is very worried,
Shut the window.

Little freedoms
Are not allowed to you,
Under frequent sobs of nasty weather
They are unreal dreams.

The flannelette is the colour of the sky.
It seems that time isn't backing up,
But Saturday still isn't coming,
And it's still Friday.

² "Nolens-volens" was merely transliterated. Readers may be more familiar with its English equivalent, "willy-nilly." Editor's note.

Покамест не добыты лавры.
Не завоеваны права.
И экзотичны, как кентавры,
В тетрадках новые слова.

Мы шелк рогожей залатаем,
Колонну подопрем колом.
Мы не на крылышках летаем —
В пеленой ступе с помелом.

И кто-то улыбнулся тонко,
А кто-то хохотал до слез:
Начало — пичико ребенка,
Конец — пернавын рыбный хвост.

О первенны Земли и Неба,
В подгузниках из облаков!
Круты до воспаления неба
Слова из тех черновиков.

Но вот когда звучат литавры,
Иная высота взята —
К нам больше не идут кентавры
На белую траву листа.

The laurels are not gained so far,
Nor are the rights.
And exotic as centaurs
Are new words in the note-book.

We'll patch the silk with bast matting,
Prop up the column with a stake.
We don't use wings to fly
But an absurd mortar with a broom.

And somebody smiled subtly,
But somebody laughed himself to tears:
The beginning was the pretty little face of a child,
The end was a rough fish tail.

Oh, firstborns of Earth and Heaven,
In diapers of Clouds!
So sharp are the words from those rough drafts
That they make the palate swell.

But then when the kettle-drums beat,
Another height is reached —
The centaurs don't come to us any longer,
To the white grass of paper.

В детской косичке тугая лента —
Вьется по жизни легенда.
Красный, на славу и на позор,
Неоспоримый узор.

... Кровь от простынь давно отстиралась.
А потом белье разорвали на тряпки.
И старая женщина, скинув танки,
Все терла оконные стекла, старалась.

Истлели доскуты, хранимые впрок.
И вода утекла под порог.
А библиотеку распродают насех.
В розницу — перекупщикам на смех.

В поябре метельная стегать пошла
Для тех, кто уснул, одею в строчку.
Но потомок на белой груди стекла.
Как встарь, дыханием вытекли сердечко.

Из рванья и вранья, из крови и строк
Возникает легенды высокий слог.
А почему?
Никто не ответил.
Ни старуха, ни книги ни ноябрьский ветер.

Лишь лента расцвета, всему вопреки,
Вьется — пал рекою строки.

Tight ribbon in a child's little braid —
Legend winds through life.
Red, for glory and disgrace,
Undeniable tracery.

Blood's washed off the sheets long ago,
And the linen was torn for rags,
An old woman threw off her slippers
And rubbed the window glass hard.

The shreds kept in store rotted to dust,
And water flowed down under the threshold.
And the library was sold out slapdash,
At retail — to second-hand dealers' sneer.

In November a snow-storm started to quilt
A stitched blanket for those asleep.
But the scion thawed out a little heart
On the white breast of glass, as in the old times.

From shreds and lies, from stanzas and blood
The high style of legend arise.
But why?
Nobody answered.
Not the old woman, nor books, nor the November night.

Only the ribbon of dawn, in spite of all,
Is winding — above the river of poems.

И плюки кафели, как ладоши.
И воздух швета ночной сорочки
К плуовой жилке и тейлой мочке ласкались.
... Ты добрый, да?

И в оробевшем доплатом доме
Секунды тейкали, как кусачки.
Обрывая мои привычки
Перегоревшие провода.

Как след на шее губной помады.
Ясны вчерашней любви приметы.
И сны, как наводочки, примиты.
О боль, белзна, беда!

Неужто от зайчика-недотроги.
От лучика на моем пороге
И вправду бывают пожары, ожоги?
... Ты ведь не сернишься, да?

And tiles as palms,
And night-gown coloured air
Cuddled the purple vein and warm ear-lobe.
... You are kind aren't you?

And in the frightened frame house
Seconds were clicking like snips,
Cutting off the burnt wires
Of my habits.

Like the trace of lip-stick on the neck,
Signs of yesterday's love are clear,
And dreams as pillow-cases hollowed.
Oh pain, whiteness, misfortune!

Is it true that from the touch-me-not,
From the little sun-beam on my threshold
Can really come fires, burns?
... You are not cross, are you?

Olga Andreevna Andreeva lives in Murmansk where she works as a journalist for the regional radio station. She writes both poetry and prose and has published two books of poetry, a short story in an anthology and, more recently, *Preobrazhenie* (Transformation), a collection of two short stories and two fairy tales.